

*Кафедра славянских языков и культур
факультета иностранных языков и регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова*

*Центр междисциплинарных исследований
славянской книжности Института славяноведения
Российской академии наук*

Славия:

история, культура, язык

Студенческая научно-практическая конференция с

международным участием

в рамках Дней славянской письменности и культуры

14 мая 2024 г.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

«Славия: история, культура, язык». Студенческая научно-практическая конференция (Москва, 14 мая 2024 г.)

Программный комитет:

Запольская Н.Н. – д.ф.н., зав. кафедрой славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, в.н.с. Института славяноведения РАН

Узенёва Е.С. – к.ф.н., заместитель директора Института славяноведения РАН, руководитель Научно-образовательного центра славистических исследований

Организационный комитет:

Белоусова В.В.

Вучкович Е.С.

Гливинская В.Н.

Иванова И.Е.

Осипова О.А.

Сергунина М.Н.

Шапкина О.Н.

Модераторы конференции:

Антипина Д.В.

Белоусова В.В.

Иванова И.Е.

Осипова О.А.,

Пшеничный А.М.

Сергунина М.Н.

Шапкина О.Н.

Славия: история, культура, язык. Сб. материалов студенческой научно-практической конференции с международным участием (14 мая 2024 г., Москва) / Науч. ред.: В.В. Белоусова, Н.Н. Запольская, Е.С. Узенева. Отв. ред. и сост.: О.А. Осипова. М.: Институт славяноведения РАН, 2024. 37с.

Сборник содержит материалы VI студенческой научно-практической конференции «Славия: история, культура, язык», состоявшейся 14 мая 2024 года.

ISBN 978-5-7576-0500-5
DOI 10.31168/7576-0500-5

© Коллектив авторов, 2024

СОДЕРЖАНИЕ:

СЕКЦИЯ «ЗАПАДНАЯ СЛАВИЯ И РОССИЯ»

Бабоша Иван , Polityka Austrii i Prus wobec polskiej emigracji w latach 1830–1840-tych z perspektywy wywiadu rosyjskiego	4
Борисова Екатерина , Obraz svatého Václava v moskevském království XVII století	6
Братчикова Мария , Пауль Целан – поэт, которого не понимает Чехия?.....	7
Джулакян Светлана , Rozvoj cizí slovní zásoby u studentů prostřednictvím chatbotů.....	9
Евтишкина Анна , Przyłączenie północnych części Spiszu i Orawy do Polski w kontekście stosunków węgiersko-polskich	10
Касаткина Юлия , Структурные особенности пословиц с компонентами-орнитонимами в чешском языке	12
Килина Мария , Имена существительные, вербализующие представление об успехе в русском и польском языках: лексическая и грамматическая семантика	13
Липай Владислав , Janka Kupała: los na skrzyżowaniu tożsamości	15
Меркушина Татьяна , «Лазарь Европы»: реакция британской периодической печати на восстановление польской государственности в ноябре 1918 г.....	16
Труба Екатерина , Возвратное местоимение в польском языке как средство экспликации внутренних состояний человека.	18
Шишканова Нина , Tekst miejski i pogranicze kultur	19

СЕКЦИЯ «ЮЖНАЯ СЛАВИЯ И РОССИЯ»

Антипина Дарья , Обраћање традиционалним култовима у либрету балета „Жив огањ”..	22
Анцупова Валерия , Умалителни форми на личните мъжки имена в българския официален дискурс	23
Мицаненко Дмитрий , Љубљанска покрајина за време Другог светског рата (1941-1943).25	
Нигамедзянов Артём , Представянето на взаимодействието между ВМОРО и ВМОК в романа «Илинден» на Димитър Талев.....	26
Новикова Мария , Хаткевич Анна, Проблема миграции в болгарском кинематографе XX и XXI вв.	28
Стекачев Артём , Идеје консолидације код аустријских Словена на почетку двадесетог века: од хрватско-српске коалиције до стварања Краљевине СХС.....	30
Узенёв Фёдор , «Исторические пути эволюции болгарской церковной музыки: от анонимности к авторскому творчеству».....	31

СЕКЦИЯ “ЗАПАДНАЯ СЛАВИЯ И РОССИЯ”

Бабоша Иван

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ivanbabosha@yandex.ru

Polityka Austrii i Prus wobec polskiej emigracji w latach 1830–1840-tych z perspektywy wywiadu rosyjskiego

Polska emigracja polityczna, która utworzyła się po nieudanym powstaniu 1830–1831 r., działała nie tylko przeciwko Rosji, ale też przeciwko Austrii i Prusom. Jednak skala i intensywność działań antypruskich i antyaustriackich z jednej strony oraz działań antyrosyjskich bardzo się różniły. Warto podkreślić, że monarchie Habsburgów i Hohenzollernów w żaden sposób nie były wiarygodnymi przyjaciółmi monarchii Romanowów. W zakresie kwestii polskiej one miały własne plany, czasami rozbieżne z interesami Rosji. Ta rozbieżność interesów nie uszła uwagi carskiej tajnej policji. Działalność emigracji polskiej stanowiła bardzo niebezpieczny czynnik ponadnarodowy, który mógł grozić nowymi powstaniem i ostatecznie przyczynić się do pogwałcenia ówczesnego ładu europejskiego. Dlatego więc warto przyjrzeć się temu, jak policja Imperium Rosyjskiego reagowała na aktywność innych mocarstw względem polskiego ruchu narodowego. Otóż, celem niniejszego referatu jest analiza polityki nadzorczej Austrii i Prus wobec emigracji polskiej w wizji wywiadu rosyjskiego.

Na początku lat 1830., zaraz po ww. Powstaniu Listopadowym 1830—1831 r., Prusy i Austria wyraźnie pobłażały polskiej emigracji. Np. w raporcie policji warszawskiej od 17(29) lipca 1832 r. zaznaczono, że pruski konsul w Krakowie pomagał polskim uczestnikom powstania uciekać do krajów zachodnich [Бабоша, 2023: 40-41]. Prusy ograniczały się do pomocy z ucieczką oraz do wydawania zezwoleń na przejście przez własne terytorium. Natomiast Imperium Habsburgów otwarcie kokietował emigrację. W doniesieniu generał-majora Nesselrodego od 30 stycznia (11 lutego) 1833 r. podkreślano, że następca tronu austriackiego Ferdynand regularnie przyjmował u siebie polskich wychodźców, że rząd austriacki wydawał im zasiłki i zupełnie nie przeszkadzał zbieraniu funduszy na rzecz emigracji. Autor tego sprawozdania prognozował, że w przypadku starcia interesów Austrii i Rosji na Bliskim Wschodzie monarchia Habsburska może wprost wykorzystać Polaków jako narzędzie przeciwko Rosji [Бабоша, 2023: 42].

Jednak do tego nie doszło, a w drugiej połowie lat 1830. koniunktura polityczna się zmieniła. Działania konspiracyjne polskiej emigracji na czele z wybitnym rewolucjonistą Szymonem Konarskim i historykiem Joachimem Lelewelem stały poważnie zagrażać porządkowi również w polskich rejonach Prus i Austrii [Фалькович, 2017: 58-61]. Przestraszone rządy austriackie i pruskie zaczęły aktywnie dzielić się z Rosją informacjami agenturalnymi o emisariuszach polskiej emigracji na terenach byłej Rzeczy Pospolitej. Dzięki m. in. współpracy tych trzech

państw konspiracja Konarskiego została unicestwiona, a jego samego złapano wiosną 1838 i powieszono na początku 1839 r. [Россия под надзором, 2006: 197].

W latach 1840. wywiad rosyjski znów zwrócił uwagę na kontrowersyjny charakter polskiej polityki Austrii i Prus. W Prusach na tron wstąpił nowy monarcha, Fryderyk Wilhelm IV, który rozpoczął kurs liberalizacji reżimu i poczynił pewne ustępstwa w kwestii polskiej. W raporcie III Oddziału (głównego organu rosyjskiej policji tajnej) za rok 1841 odnotowano, że król pruski zezwolił „niektórym Polakom na osiedlenie się w Poznaniu” [Россия под надзором, 2006: 251]. Towarzystwo Demokratyczne Polskie, jedna z czołowych organizacji emigracyjnych, nie omieszczała wykorzystać złagodzenie polityki pruskiej i wysłała do Wielkopolski emisariusza Walerego (Waleriana) Breańskiego (1805-1866) w celu przygotowania nowego powstania. Breański, wraz z miejscowymi działaczami, zorganizował tam rozległą siatkę konspiracyjną, która miała legalną przykrywkę w postaci towarzystw agronomicznych i myśliwskich [Kalembka, 1966: 237]. Owoce tej działalności szybko zwróciły uwagę rosyjskiej agentury zagranicznej. W raporcie rocznym III Oddziału za 1842 r. przytoczono dane jednego z agentów o istnieniu w Księstwie Poznańskim dwóch komitetów wysyłających składki dla polskiej emigracji (jeden w Poznaniu, drugi - w Szamotułach) [Россия под надзором, 2006: 284]. Ponadto podejrzewano pocztę pruską o pomoc polskim przemytnikom w Rzeczypospolitej Krakowskiej, gdyż konduktorzy pruskich dyliżansów przywozili do Krakowa zagraniczne materiały propagandowe [Россия под надзором, 2006: 284-285].

Można przypuścić, że powodem takiej polityki ze strony Austrii i Prus była nie beztroska czy niedbałość, lecz kalkulacja polityczna. Z jednej strony taki kurs z pewnością zagrażał bezpieczeństwu ich własnych posiadłości. Z drugiej strony umożliwiał trzymanie Rosji w niepewności i rozgrywanie przeciwko niej „polskiej karty” w negocjacjach dyplomatycznych. Ponadto austriaccy i pruscy przywódcy mogli kalkulować, aby pozwolić spiskowi rozwinąć się do pewnego poziomu pod kontrolą policji, a w przypadku poważnego zagrożenia wyeliminować go jednym ciosem. W 1846 r. powstanie w Wielkim Księstwie Poznańskim zostało stłumione w zarodku, ponieważ pruska policja zdążyła aresztować jego głównych inicjatorów. W austriackiej Galicji władze uciekły się do bardziej wyrafinowanej metody, podburzając polskich chłopów pod przywództwem Jakuba Szeli przeciwko polskim właścicielom ziemskim (wydarzenia te weszły do dziejów jako „rzeź galicyjska” czy rabacja galicyjska) [Фалькович, 2017: 110].

Warto odnotować, że w raporcie rosyjskiego III Oddziału od 1846 r. główny naczelnik tego resortu Orłow bardzo negatywnie ocenił rolę władz austriackich podczas „rzezi galicyjskiej”: „Nie uciekając się do środków państwowych [kursywa moja - I.B.], rząd austriacki próbował poduszczyć chłopów przeciwko buntownikom, a rozkaz ten okazał się zbyt szkodliwy. <...> Chłopi ... skierowali swoje okrucieństwo nie tylko na winnych, ale także na spokojnych właścicieli ziemskich” [Россия под надзором, 2006: 384]. Przez „środki państwowe” w tym fragmencie Orłow prawdopodobnie rozumiał zestaw tradycyjnych środków policyjnych mających na celu utrzymanie porządku publicznego. Idea szefa III Oddziału była

wyraźnie taka, że władza państwowa powinna utrzymywać pokój między klasami i stanami społecznymi, karać winnych i bronić porządných obywateli. Jednocześnie państwo nie ma prawa używać środków, które mogłyby doprowadzić do podważenia istniejącego porządku społecznego. Rząd austriacki sprowokował konflikt klasowy i w ten sposób według Orłowa przyjął metody ruchu rewolucyjnego, który ówczesny cesarz rosyjski Mikołaj I uważał za głównego wroga. Wątek rzezi galicyjskiej dobrze pokazuje, że koncepcja inwigilacji policyjnej w epoce panowania Mikołaja I w Rosji nie zakładała stosowania tzw. prowokacji politycznej – czyli władza nie powinna prowokować przestępstwa w celu zapobiegania innym przestępstwom. Oczywiście, że to nie unieważnia istnienia poszczególnych agentów-prowokatorów na żoździe rosyjskim.

Reasumując, polityka Austrii i Prus w latach 1830–1840. wobec emigracji polskiej budziła wielki podziw rosyjskiego wywiadu. W odróżnieniu od Rosji te rządy trzymały się bardziej wyrafinowanej oraz ryzykownej taktyki wobec emigracji polskiej. Z jednej strony one mogły patronować Polakom, a z drugiej – stosować brutalnych represji i prowokacji.

Список литературы:

1. *Бабoша И. А.*, Надзор тайной полиции Царства Польского за польской эмиграцией в 1831–1839 гг. (по донесениям военных губернаторов Варшавы в III отделение) // *Славянский альманах*, 2023г. № 3-4. С. 34-52.
2. *Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869 / Сост. М. В. Сидорова и Е. И. Щербакова.* М., 2006. 706 с.
3. *Фалькович С.М.* Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М.; СПб., 2017. 320 с.
4. *Kalembka S.* Towarzystwo demokratyczne polskie w latach 1832–1846. Toruń, 1966. 273 s.

Борисова Екатерина

Исторический факультет Московского государственного университета

имени М.В. Ломоносова

Katerina_borisova03@mail.ru

Obraz svatého Václava v moskevském království XVII století

Vztahy Česka a Ruska na kulturním poli jsou pevné dodnes. V tomto ohledu jsou svatí těchto dvou zemí společným kulturním objektem. Jedním z takových svatých je svatý Václav nebo na ruský způsob Svatý Vjačeslav.

Současný obraz svatého Václava v Česku je jednoznačný: je ochráncem české země, jejím patronem. V Rusku se svatý Vjačeslav obrací s modlitbami za záchranu státu, ochranu jeho hranic. Tento zájem a vzhled obrazu svatého Václava M.J. Paramanova vysvětluje jeho politický a společenský význam [Парамонова, 1996].

Byl však obraz svatého Václava vždy neměnný?

V žití, Východočeské legendě a Minejové edici je obraz Václava jako světského vládce popsán skromně: je to věčný vládce, který dělá dobro pro církve a lidi. V rámci religiozity není obraz světce ve dvou životech rovnocenný. Hlavní událostí, podle které můžeme soudit jeho svatost, je popis smrti. Ve východočeské legendě Václav umírá jako mučedník, v tomto ohledu dokonce chybí zmínka o jeho světském titulu, což je důležité. Vládce nemůže být mučedníkem podle vnímání svatosti Stvořitele života "Crescente fide" z 10 století. Václav je navíc srovnatelný s Ježíšem Kristem nejen v pohledu na svou smrt, ale i ve vztahu ke svému bratrovi, který je společně se svou elitou přirovnáván k Jidášovi. V minoritním znění lze samozřejmě Václava v menší míře označit za mučedníka, i když smrt zůstává mučednickou. Jen titul se neskrývá a umírá především jako vládce. Z pohledu autora je Václav označován za Blaženého. Pod blaženým však není třeba chápat tvář svatosti. Pravděpodobně je zmínka o václavově blahorečení způsobena skutečností, že mohl být kanonizován až do roku 1054 [Живов, 1994].

V historické tradici, Kosmografii z roku 1670, se obrazu Václava nevěnuje tolik pozornosti. V jeho světském životě se dozvídáme, že zabíjí cizího vládce, který zasahuje do křesťanské víry. A následně Václav plánuje vzdát se světského života a přijmout duchovní sáňkaře. Z hlediska religiozity není v kosmografii hlavním bodem, který potvrzuje jeho svatost, smrt, ale zázraky, které se po ní dějí. Václav tak po své smrti přejde přes Vltavu bez mostu. O podobě svatosti nelze učinit jednoznačný závěr. Na základě textu se Václav nejmenuje ani mučedník, ani blažený.

Список литературы:

1. *Парамонова М.Ю.* Генеалогия святого: мотивы религиозной легитимации правящей династии в ранней святовацлавской агиографии // Одиссей. Человек в истории. 1996. Ремесло историка на исходе XX века / Гл. ред. А.Я. Гуревич. М., 1996. – URL: <http://yakov.works/history/10/1/para1996.html> (дата обращения: 10.05.2024)
2. *Живов В.М.* Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М.: Гнозис, 1994

Братчикова Мария

*Факультет иностранных языков и регионоведения
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
maryriddle1926@gmail.com*

Пауль Целан – поэт, которого не понимает Чехия?

Данная работа направлена на изучение особенностей восприятия и интерпретации творчества австрийского поэта П. Целана (1920–1970) в чешском лингвокультурном пространстве. Для этого рассматривается история переводов П. Целана на чешский язык и проводится анализ некоторых из них

на предмет сохранения дискурсивных характеристик, составляющих инвариант перевода.

П. Целан не связан с чешской лингвокультурой напрямую. Однако в своей поэзии он порой использует перенятые из речи матери богемизмы и затрагивает политические проблемы Чехословакии, волнующие его во многом из-за дружбы с Ф. Вурмом, родившимся и часто бывавшим в Праге [Malý, 2014].

Первые переводы П. Целана появляются в Чехословакии в 1960-х гг. Поэт воспринимается властями как сионист и носитель вражеской культуры, создающий экспериментальную поэзию. Ключевую роль в прохождении цензуры для публикации играют паратексты, то есть комментарии и послесловия переводчиков. Поэтому в 60-е гг. на чешском языке выходят лишь отдельные стихотворения П. Целана. Его поэзия же позиционируется переводчиками как нечто человеческое и тревожное, что способно реабилитировать немцев в глазах «восточных народов» [Pytlík, 2022]. По-другому П. Целан представляется в сборнике Л. Кундера 1986 г. Переводчик подчеркивает «среднеевропейскую душу» поэта, что выносит П. Целана за рамки западной культуры [Kundera, 1986: 219]. Начиная с 90-х гг. проблема цензуры снимается. Переводчики определяют П. Целана как поэта, бросающего вызов забвению и призывающего к ответственности за свою и чужую жизнь.

На основе существующих переводов некоторые исследователи говорят о принципиальной непереводаемости П. Целана на чешский язык [Hrdlička, 2016]. Причиной тому служат особенности его поэзии: герметичность, неологизация, «разорванность», музыкальность и т.д.

Реальная переводческая практика опровергает это суждение. В работе анализируются переводы четырех стихотворений П. Целана: «Todesfuge» («Fuga smrti», Л. Кундера и Р. Малы), «Zwiegestalt» («Dvojpodoba», Я. Костельник), «Schneebett» («Sněžné lůžko», Л. Кундера) и «Les globes» (Э. Сыржиштева).

С одной стороны, можно констатировать определенные неточности в переводах. К примеру, Л. Кундера прибегает к излишней метафоризации или сужению исходного смысла слов (blau – modravé; Rüden – vlčáky). В переводе Э. Сыржиштовой теряется герметичность исходного текста ввиду нарушения положения стихотворения на листе и вольного истолкования переводчицей «непереводимых» лексем (war flügge – vylétlo lehkostí ptačího křídla).

В определенных случаях переводчики вынужденно прибегают к описательному переводу, осуществляя трансформации. В основном это оправдано разницей строя переводящей пары языков (weltblind – osleplé vůči světu), но в других случаях – объективно не обусловлено. Например, Л. Кундера переставляет глагол, вводящий «мы»-тему на вторую позицию в строке, что нарушает композицию фуги.

При этом, следует отметить предельную эквивалентность переводов Р. Малого и Я. Костельника.

Таким образом, можно говорить о принципиальной переводимости произведений П. Целана на чешский язык. Однако для корректной рецепции его творчества чехами необходимы серьезный предпереводческий анализ и отражение его результатов переводчиком в паратексте.

Список литературы:

1. *Kundera L. Doslov // Sněžný part. Praha: Odeon, 1986. S. 211-227.*
2. *Malý R. Der tschechische Kontext von Paul Celan // Temeswarer Beiträge zur Germanistik. Bd. 11. Temeswar: Mirton Verlag, 2014. S. 249-267.*
3. *Pytlík P. "Ein Dichter, den wir nicht verstehen können"? Zur tschechischen Rezeption von Paul Celan // Jahrbuch für Internationale Germanistik. Bern: Peter Lang, 2022. S. 163-171.*
4. *Hrdlička J. Básník, jemuž nemůžeme rozumět. O českých překladech Paula Celana // A2, 2016. URL : <https://www.advojka.cz/archiv/2016/22/basnik-jemuz-nemuzeme-rozumet> (дата обращения: 10.05.2024)*

Джулакян Светлана

Факультет иностранных языков и регионоведения

Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

dzhulakyan0416@mail.ru

Rozvoj cizí slovní zásoby u studentů prostřednictvím chatbotů.

Ten příspěvek se zaměřuje na analýzu výhod, které přináší implementace chatbotů do výuky cizích jazyků s ohledem na rozvoj lexikální kompetence studentů. V rámci článku budou zkoumány komponenty a dovednosti nezbytné pro dosažení lexikální kompetence, role technologií v jazykovém vzdělávání, identifikace funkcí chatbotů ve vzdělávacím procesu a detailní analýza chatbotu "Quiz Bot" s důrazem na jeho přínosy při práci s ním.

Lexikální kompetence je klíčovým prvkem pro úspěšnou komunikaci v cizím jazyce a její rozvoj je nezbytný pro dosažení profesionálních cílů v moderním světě. Využití chatbotů jako nástroje pro zdokonalení slovní zásoby studentů může být perspektivním směrem pro inovaci v oblasti jazykového vzdělávání. Díky okamžité zpětné vazbě, personalizaci úkolů a podpoře autentické komunikace přispívají chatboty k zlepšení výsledků a motivace studentů. Tato moderní technologie poskytuje studentům možnost opakování testů, identifikaci silných a slabých stránek a individuálního rozvoje jazykových dovedností.

Список литературы:

1. *Абалувев Р.Н и др. Интернет-технологии в образовании: Учебно-методическое пособие, 2002*

2. Ариян М.А., Шамов А.Н. Основы общей методики преподавания иностранных языков: теоретические и практические аспекты, 2017
3. Гурвич П.Б., Кудряшов Ю.А. Лексические умения, обуславливающие говорение на иностранном языке, и основные линии их развития // Общая методика обучения иностранным языкам. Хрестоматия, 1991. С. 253-259
4. Калинина М.С., Цыбанёва В.А. Особенности формирования лексической компетенции учащихся старшей школы // Успехи современной науки и образования, 2016. Т.1. № 4. С.53-58.
5. Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н., Использование современных учебных Интернет-ресурсов в обучении иностранному языку и культуре // Язык и культура, 2008, №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-sovremennyh-uchebnyh-internet-resursov-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku-i-kulture> (дата обращения: 30.06.2024).

Евтишкина Анна

*Исторический факультет Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
kadersmanur@mail.ru*

Przyłączenie północnych części Spiszu i Orawy do Polski w kontekście stosunków węgiersko-polskich

Spisz i Orawa na przestrzeni wieków stanowiły część pogranicza polsko-węgierskiego. W ramach Austro-Węgier te tereny były administrowane przez Budapeszt jako komitaty Szepes i Árva, będące północnym wieńcem historycznego węgierskiego regionu Felvidék (pol. Górne Węgry). W 1918 r. na tle klęski i rozpadu monarchii Habsburgów wybuchł konflikt o te ziemie, bo Ententa pozwoliła Czechom na obsadzenie Górnych Węgier, podczas gdy odrodzona Polska miała tu swoje roszczenia terytorialne. Polskie oddziały wojskowe zajęły północne Spisz i Orawę na początku listopada 1918 r. i mimo wymuszonego opuszczenia tych terenów na początku 1919 r. polska dyplomacja nadal domagała się uznania przez Węgry słuszności polskich pretensji, powołując się na prawo narodów do samostanowienia i nalegając na polski charakter tych terytoriów. Istniał zamiar, w końcu odwołany, przeprowadzenia plebiscytu.

Górne Węgry zostały odebrane Węgrom na mocy Traktatu w Trianon. Bezpośrednio nawiązując do niego w tekście swojej decyzji Rada Ambasadorów 28 lipca 1920 r. przyznała Polsce część Spiszu i Orawy. W ten sposób Polska została „państwem zaborczym” wobec Węgier i beneficjentem Traktatu w Trianon, który podpisała i na który nieraz się powoływała w umowach z innymi państwami. Np. Polska zgadzała się z obowiązkiem wypłaty swojej części (według powierzchni przydzielonych jej ziem) węgierskiego długu przedwojennego. Jednak na razie historiografii nie są znane dowody tego, że Polska kiedyś ratyfikowała ten traktat, na odwrót istnieje znaczne prawdopodobieństwo, że artykuły tego dokumentu jako

jedynej międzynarodowej podstawy prawnej do posiadania przez Polskę północnych terenów Spiszu i Orawy nigdy i do dziś nie nabrały mocy w kraju.

W polskich ulotkach, rozpowszechnianych w regionach, autorzy próbowali wzbudzić niechęć do legalnego rządu budapeszteńskiego, wypominając mu skrupulatnie przestrzegane przez urzędników przepisy dotyczące granicy celnej między austriacką Galicją a Węgrami, konieczność nauczania się w szkołach niby trudnego języka państwowego, przesadną biurokrację, panowanie Żydów w urzędach, madziaryzację toponimów i imion własnych, oraz w ogóle narzekając na brak „swoich” ludzi w edukacyjnych, kościelnych, administracyjnych i sądowych instytucjach. Antywęgierski charakter miała też agitacja „wewnętrzna”, przeznaczona dla „uświadczenia” Polaków w Warszawie i Krakowie. Np., działacz społeczny Przerwa-Tetmajer wskazywał na „tyranię Węgrów, pod którą w ciemnocie i poniewierce ginęła ludność polska przez stulecia”, na stworzony przez Węgrów „silny, bogaty, władny i bezwzględny rząd” [Przerwa-Tetmajer K., 1919: 3-4]. Porównanie przeanalizowanych materiałów polskich i węgierskich dotyczących zachowania spisko-orawskiej ludności świadczy o braku tak istotnych konfliktów z węgierskim rządem, jak i ideowego przywiązania do niego.

Węgierskie władze centralne i miejscowe próbowały zapobiec wkroczeniu wojsk z polskiej strony, werbunkom i agitacjom na swojej ziemi. Węgry przeciwstawiły polskim deklaracjom zasadę „granicy językowej”, według której całe Górne Węgry miały pozostać w państwie węgierskim. Mimo oficjalnego uznania przez Węgry nowej granicy mamy sugestywne wskazówki na to, że rządy z epoki M. Horthyego wcale nie zamierzały wyrzekać się idei integralności swojej rozczłonkowanej Ojczyzny. Według jednego z tych świadectw już w ciągu przygotowań do plebiscytu na Spiszu i Orawie węgierski wywiad potajemnie, bez wiedzy Czechów rozpowszechniał proczeskie ulotki w celu niedopuszczenia przyłączenia do Polski ani kawałku węgierskiej ziemi i zmniejszenia w ten sposób krajów-objektów planowanej Irredenty o jeden.

Список литературы:

1. Dwa bratanki: dokumenty i materiały do stosunków polsko-węgierskich 1918-1920. Warszawa, 2016.
2. *Lubocki A., Fodor Á.*, Polska a traktat trianoński – zarys problematyki // *Vade Nobiscum*, 2021. T. XXIII. S. 65-88.
3. *Polskie Dokumenty Dyplomatyczne*. 1919 styczeń-maj. Warszawa, 2016.
4. *Polskie Dokumenty Dyplomatyczne*. 1918 listopad-grudzień. Warszawa, 2008.
5. *Protokoły posiedzeń Rady Ministrów Rzeczypospolitej Polskiej 1918-1923*. T. V, X-XI. Warszawa, 2023.
6. *Przerwa-Tetmajer K.* O Spisz, Orawę i Podhale. Kraków, 1919.

Касаткина Юлия
Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
st121451@student.spbu.ru

Структурные особенности пословиц с компонентами-орнитонимами в чешском языке

Пословицы сосредотачивают в себе многовековую историю различных народов и культурное наследие всего человечества, что позволяет говорить о них, как о центре языковой картины мира. В них находят своё отражение не только быт и деятельность человека, но и его взаимоотношения с окружающим миром, частью которого являются птицы. Образы птиц занимают важное место в славянской культуре: они часто встречаются в фольклоре, а также находят своё отражение в пословичной картине мира.

Цель данного доклада – выявление структурных особенностей активных чешских пословиц, содержащих в себе компоненты-орнитонимы. Материалом исследования послужили чешские пословицы, отобранные по принципу сплошной выборки из словарей «Česká přísloví: Soudobý stav konce 20. Století» [Bittnerová, Schindler, 2003] и «Východoslovanská přísloví a pořekadla v pohledu od češtiny» [Mrhačová, 2017].

В ходе работы было выявлено, что количество общеупотребительных пословиц с компонентами-орнитонимами в чешском языке равно двенадцати паремиологическим единицам. Наиболее частотными орнитонимами, которые встречаются данных пословицах, являются *husa*, *vrabec*, *vřána*. Отдельные лексемы можно объединить в группы «домашние/одомашненные птицы» (*slepice*, *husa*, *kohout*, *holub*) и «дикие птицы» (*vřána*, *vrabec*, *vlaštovka*), на основе тех образов, которые они определяют.

При исследовании данной выборки мы обратили внимание на лексические, морфологические, синтаксические и стилистические особенности паремий.

Результатом лексического анализа стал вывод о том, что анализируемые пословицы в большинстве случаев содержат нейтральную и общеупотребительную лексику. Однако были обнаружены звукоподражательные лексемы *krakat* и *kejhá*, употребление которых направлено на создание метафорического переноса «человек–птица».

Морфологический анализ данных пословиц показал, что наиболее частотным в пословицах всех тематических групп является настоящее время. Также было отмечено употребление модальных глаголов, глаголов во втором лице единственного числа и отрицаний, что объясняется формированием поучительно-назидательного характера паремий.

В ходе синтаксического анализа было определено, что в состав анализируемых единиц включены различные типы предложений: простые, сложноподчиненные (с придаточными обстоятельственными времени и образа

действия), безличные, побудительные. Кроме того, большинство проанализированных пословиц были отнесены к двусоставным предложениям, среди которых была выделена группа неполных предложений. Среди односоставных предложений были выделены определённо-личные, назывные и обобщённо-личные.

В результате стилистического анализа пословиц, определяемых как микротексты, нами было выделено использование различного рода стилистических приемов, тропов и фигур речи в их структуре. Так, например, в пословице *Už vejce je moudřejší než slepice* содержится ирония, а в пословице *Dočkej času, jako husa klasu* – сравнение. Наиболее частотным в данных паремиях оказалось использование различных видов антитез и инверсий, направленное на усиление отдельных элементов в рамках структуры пословиц.

Результатом исследования стал вывод о том, что структурный анализ пословиц с компонентами-орнитонимами показал высокий уровень разнообразия лексико-морфологических особенностей и стилистических приёмов, находящихся отражение в семантике паремий и направленных на создание метафорического переноса и придание паремиям поучительного смысла.

Список литературы:

1. Bittnerová D., Schindler F. *Česká přísloví: Soudobý stav konce 20. století*. Praha, Karolinum, 2003. 313 s.
2. Mrhačová E. *Východoslovanská přísloví a pořekadla v pohledu od češtiny*. Ostrava, Ostravská univerzita, 2017. 167 s.

Килина Мария

Санкт-Петербургский государственный университет

kilina.my@mail.ru

Имена существительные, вербализующие представление об успехе в русском и польском языках: лексическая и грамматическая семантика

В славянских языках традиционно выделяется группа отвлечённых (абстрактных) существительных, которые обычно не имеют форм множественного числа. Исследователи обращают внимание и на невозможность сочетания отвлечённых существительных с числительными, т.е. на тот факт, что такие слова не подвергаются счёту [Виноградов, 1986: 137]. При этом отсутствие форм множественного числа у слов *singularia tantum* не значит, что от них нельзя образовать формы со значением и признаками множественного числа [Русская грамматика, 1980: 471]. Согласно Русской грамматике 1980 г., такие формы будут иметь значение, отличное от значения формы единственного числа [Там же].

Цель настоящей работы – проанализировать в сравнительно-сопоставительном аспекте имена существительные, с помощью которых

выражается представление об успехе в русском и польском языках: успех – sukces; удача, везение – powodzenie, pomyślność. Материалом исследования стали тексты, зафиксированные в основном корпусе Национального корпуса русского языка и в сбалансированном корпусе Национального корпуса польского языка.

Мы провели контекстуальный анализ примеров употребления форм множественного числа всех перечисленных существительных. Выборки были сбалансированы вручную: для анализа были взяты первые 60 случайных примеров из общего числа 154 примеров употребления формы успеха в текстах 2011 г.; 60 из 65 (без повторов) примеров употребления формы sukcesu в текстах 2011 г.; первые 28 из 378 примеров употребления формы удачи в текстах с 2000 по 2011 гг.; 28 однозначных примеров (т.е. таких, в которых исключена возможность омонимии форм) употребления формы powodzenia в текстах с 2000 по 2011 гг.; 4 примера употребления формы везения в текстах с 2000 по 2011 гг.; 3 однозначных примера употребления формы pomyślności в текстах с 2000 по 2011 гг.

Проведённый анализ корпусных примеров показал, что для форм множественного числа существительных успех, sukces, powodzenie и удача справедливо утверждение об актуализации каких-то более конкретных сем. Кроме того, формы множественного числа лексем успех и sukces обладают высокой степенью лексикализации, т.е. регулярно употребляются в значениях, отличных от словарных значений формы единственного числа. Формы множественного числа слов powodzenie и удача тяготеют к такому же регулярному употреблению, однако занимают, скорее, промежуточное положение. Наконец, формы множественного числа слов везение и pomyślność, по всей видимости, употребляются окказионально. Сопоставление единиц русского и польского языка показало, что процесс конкретизации значения отвлечённых существительных в форме множественного числа протекает в славянских языках схожим образом. Закрепление таких форм множественного числа может быть обусловлено совокупностью факторов; в некоторых случаях ему могут препятствовать морфемы. Отдельно стоит отметить, что, несмотря на суффикс -enie, образующий отвлечённые существительные, форма множественного числа лексемы powodzenie обладает достаточно высокой частотностью в текстах корпуса. Этому могла поспособствовать общая для польского языка тенденция к образованию отглагольных существительных; стоит учесть и семантическую близость лексемы со словами успех и sukces.

Список литературы:

1. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
2. Национальный корпус русского языка – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 13.05.2024).
3. Русская грамматика: [в 2 т.] / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 789 с.

4. Narodowy Korpus Języka Polskiego – URL: <http://nkjp.pl/> (дата обращения: 13.05.2024).

Лунай Владислав

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Исторический факультет, I курс магистратуры
vllipa@mail.ru*

Janka Kupała: los na skrzyżowaniu tożsamości

Janka Kupała (1882-1942) jest znany jako jeden z najwybitniejszych białoruskich literatów. Jednak ta jego ścieżka życia nie była z góry określona. Los Kupały wyraźnie odzwierciedla procesy i zmiany, które miały miejsce w życiu ziem litewsko-białoruskich Imperium Rosyjskiego na przełomie XIX i XX w. W referacie podejmuję próbę przeanalizowania procesu tworzenia tożsamości i ujawnienia, jak wyjątkowy był ten proces.

Pisarz urodził się w 1882 r. Jednak przy urodzeniu miał na imię Iwan (Jan) Łucewicz. Rodzice Jana pochodzili z katolickiej drobnej szlachty, choć nie mieli oficjalnego uznania statusu szlacheckiego i własnej ziemi. Na początku XX w. rozpoczął swoją twórczą karierę. Już w latach 1903-1904 młody poeta pisze swoje pierwsze wiersze, w języku polskim. W 1905 r. w gazecie "Północno-Zachodni kraj" ukazał się jego wiersz "Muzyk". Tak pojawił się Janka Kupała.

Od 1907 r. Kupała zaczął ściśle współpracować z wileńską gazetą "Nasza Niwa", dzięki czemu poznał wielu działaczy "białoruskiego odrodzenia". W 1909 r. wyjechał do Petersburga, gdzie uczył się na kursach A. Czerniajewa. Stamtąd J. Kupała wrócił do Wilna, gdzie w latach 1914-1915 pełnił funkcję wydawcy "Naszej Niwy". W 1915 r. znalazł się w Moskwie. Tam studiował na Uniwersytecie Ludowym Szaniawskiego. W 1916 r. Iwan Łucewicz został wezwany do służby wojskowej.

Zwróćmy się do kwestii kształtowania tożsamości Iwana Łucewicza. Można zauważyć, że miał znaczący związek z kulturą polską. Pochodził z katolickiej rodziny o szlacheckich korzeniach. W młodym wieku nauczył się języka polskiego. Czytał dzieła wielu polskich pisarzy. Jego pierwsze doświadczenia literackie były w języku polskim.

Kultura rosyjska też nie była obca Kupale. Języka rosyjskiego nauczył się w dzieciństwie. Kształcił się w środowisku rosyjskim. Wśród autorów, którzy wywarli na niego wpływ, wyróżniał pisarzy rosyjskich. Prawie całe życie Kupały odbyło się w warunkach Imperium Rosyjskiego i Związku Radzieckiego.

Ale dlaczego znamy Kupałę jako białoruskiego poetę? Urodził się i wychował w ludowej kulturze białoruskiej, którą uważał za rodzimą. Głównym wydarzeniem, które zadecydowało o losie J. Kupały, była rewolucja 1905-1907. Młody Łucewicz znał również dzieła literackie w języku białoruskim W. Dunina-Marcinkiewicza, F. Boguszewicza. W latach rewolucyjnych zapoznał się z białoruskimi proklamacjami. Konsekwencje 1905 r. dały mu świadomość własnej tożsamości i możliwość jej manifestowania. Właśnie w 1905 r. opublikował swój pierwszy wiersz w języku białoruskim. Dzięki rewolucji zaczęła się wydawać "Nasza Niwa", która dała Kupale wolność twórczą i zapoznała z podobnie myślącymi ludźmi.

Los Janki Kupały jest jednym z przykładów, które pokazują możliwości kształtowania i przekształcania tożsamości. Mając szlacheckie korzenie, na gruncie modernizującego się Imperium Rosyjskiego stał się inteligentem w pierwszym pokoleniu, stopniowo wchodząc w skład nowej białoruskiej elity intelektualnej. Przykład Kupały nie jest wyjątkiem. Wszystko to po raz kolejny podkreśla znaczenie badania całości zmian ogólnokrajowych i cech regionalnych.

Список литературы:

1. Гниламёдаў У. Прарок нацыянальнага адраджэння // Поўны збор твораў. Т. 1 / Янка Купала. Мінск, 1995. С. 7–46.
2. Купала Я. [Письмо] № 38. Да Я. Ф. Карскага. Мінск, 4 кастрычніка 1919 г. // Поўны збор твораў. Т. 9. Кн. 2 / Янка Купала. Мінск, 2003. С. 253–254.
3. Купала Я. [Письмо] № 52. Да Л. М. Клейнбарта. Кіславодск, 21 верасня 1928 г. // Поўны збор твораў. Т. 9. Кн. 2 / Янка Купала. Мінск, 2003. С. 267–272.
4. Купала Я. [Письмо] № 54. Да Л. М. Клейнбарта. Мінск, 11 студзеня 1929 г. // Поўны збор твораў. Т. 9. Кн. 2 / Янка Купала. Мінск, 2003. С. 273–278.
5. Купала Я. [Письмо] № 2. Да Л. М. Клейнбарта. Санкт-Пецярбург, 1910 г. // Поўны збор твораў. Т. 9. Кн. 2 / Янка Купала. Мінск, 2003. С. 225–228.

Меркушина Татьяна

*Исторический факультет Московского государственного
университета имени М. В. Ломоносова
tat.merkushina2016@yandex.ru*

«Лазарь Европы»: реакция британской периодической печати на восстановление польской государственности в ноябре 1918 г.

Для Великобритании «польский вопрос» приобрёл значение только во время Первой мировой войны. Вплоть до 1916 год судьба польского народа для британских политиков являлась вопросом внутренней политики Российской империи, при этом представляющим важный стратегический интерес в рамках продолжавшегося военного конфликта. Восстановление независимой Польши

представлялось Британии нежелательным, поскольку новое государство «будет страдать теми же болезнями, от которых погибло старое Королевство». Иного мнения придерживалась британская периодическая печать, встретившая возрождение польской государственности с энтузиазмом и одобрением, называя её «одним из благословений, на которые мир в праве рассчитывать после ужасающей войны» [«Newcastle Daily Chronicle», 23.11.1918]. Первые сообщения, описывающие события на исторических польских территориях, относятся к началу ноября 1918 года. В специальных выпусках, приуроченных к подписанию Компьенского перемирия 11 ноября, приводятся исторические справки о судьбе нового государства, и начинают высказываться первые предположения, касающиеся будущей и необходимой в нём формы правления [«Freeman's Journal», 13.11.1918].

Список литературы:

1. Кузьмичева А. Е. Польско-французские отношения в 1933–1935 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М.: 2023
  2. Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М.: Соцэкгиз, 1934
  3. Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М.: Международные отношения, 1989
  4. Piszczkowski T. Anglia a Polska 1914-1939 w swietle dokumentow brytyjskich. Londyn, Oficyna Poetów i Malarzy, 1975
  5. Irish Independent». 8.11.1918. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk> (дата обращения: 12.02.2024)
  6. «Newcastle Daily Chronicle». 8.11.1918.
URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk> (дата обращения: 12.02.2024)
  7. «Newcastle Journal». 13.11.1918.
URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk> (дата обращения: 12.02.2024)
  8. «Yorkshire Post». 19.11.1918. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk> (дата обращения: 12.02.2024)
  9. «Huddersfield Daily». 13.11.1918.
URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk> (дата обращения: 12.02.2024)
  10. «Nothorn Whig». 14.11.1918. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk> (дата обращения: 12.02.2024)
  11. «Freeman's Journal». 13.11.1918.
URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk> (дата обращения: 12.02.2024)
  12. «Newcastle Daily Chronicle». 23.11.1918. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk> (дата обращения: 12.02.2024)
  13. «Drogheda Independent». 23.11.1918.
URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk> (дата обращения: 12.02.2024)
  14. «Nottingham and Midland Catholic News». 23.11.1918. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk> (дата обращения: 12.02.2024)
-

Труба Екатерина

*Институт образования и гуманитарных наук
Балтийского Федерального Университета имени И.Канта
trubaekaterina@yandex.ru*

Возвратное местоимение в польском языке как средство экспликация внутренних состояний человека.

Польское возвратное местоимение *siebie* изучается в работах польских и российских лингвистов как основной способ выражения функционально-семантической категории рефлексивности, т.е. «полного или частичного совпадения объекта действия (или другого актанта) с субъектом» [Бондаренко, 1991: 246]. Способность возвратного местоимения обозначать внутренние, психоэмоциональные состояния человека гораздо реже попадает в поле зрения ученых. В нашем исследовании мы предпринимаем попытку выявить польские фразеологические единицы с возвратным местоимением *siebie*, обозначающие внутреннее состояние человека и представить их теоретическое описание с точки зрения концепции онтологической метафоры.

С лингвокультурологической точки зрения способность возвратного местоимения концептуализировать человеческое «Я» с помощью устойчивых сочетаний, построенных по модели «глагол + возвратное местоимение» была охарактеризована в работе В.В. Красных [Красных, 2003: 6]. На основе анализа таких фразеологических единиц, как уйти в себя, выйти из себя, быть вне себя, держать себя в руках и т.п., В.В. Красных приходит к выводу о том, что в русском ментально-лингвальном комплексе «Я» человека предстает как «целокупность», противостоящая внешнему миру. Комплексное «Я», являющее собой единство «формы» и «содержания», потенциально содержит в себе изначально заложенное противопоставление самой физической оболочки, выступающей как граница между «внутренним» и «внешним».

Для того чтобы проследить, насколько концепция о противопоставлении двух пространств: «внутреннего Я» и «внешнего мира», реализуется в польском языковом сознании, нами были собраны и систематизированы путем сплошной выборки из словарей польского языка следующие сочетания, построенные по аналогичной модели: *dochodzić do siebie*, *wychodzić z siebie*, *zanurzyć się w sobie*, *zamknąć się w sobie*, *być panem siebie*, *dawać z siebie wszystko*, *być panem siebie*, *radzić sobie* и др.

Анализ их семантики показал, что некоторые из них полностью совпадают по объему своего значения с соответствующими русскими идиомами прийти в себя, выходить из себя, замкнуться в себе, владеть собой, отдавать всего себя. Отдельные польские идиоматические сочетания имеют больше значений, чем в русском языке, например, *wychodzić z siebie* – это не только «выходить из себя», т.е. терять контроль над своими негативными эмоциями, но и «прилагать к чему-то большое количество усилий». Несколько

устойчивых сочетаний не имеют эквивалентов в русском языке, например: *radzić sobie; dawać z siebie wszystko*.

Однако при всех частных семантических различиях в способе концептуализации внутренних состояний человека с помощью возвратного местоимения *siebie/ себя* в обоих славянских языках прослеживается единая идея, которая, на наш взгляд, органичным образом вписывается в теорию онтологической метафоры американских лингвистов Дж. Лакоффа и М. Джонсона, основной разновидностью которой является метафора так называемого «контейнера» или «вместилища» [Лакофф Дж., Джонсон М., 2004].

Все метафоры, содержащиеся в сочетании «глагол + *siebie/ себя*» можно изобразить как те состояния, которые находятся внутри «контейнера» (т.е. внутри человеческого тела, отделённые от окружающего мира поверхностью своей кожи), и те, что находятся вне «контейнера», то есть в пространстве остального мира, находящегося вне нашего контроля.

Выполненный нами анализ показал, что метафоры, которые касаются внутреннего наполнения «себя», преимущественно обозначают положительным образом оцениваемые внутренние психофизиологические состояния или качества: *być razem siebie, radzić z sobą, rapować nad sobą, przyjsć/dojsć do siebie*. Метафоры, подразумевающие осознание себя вне границ собственного тела, обычно несут отрицательную коннотацию: характеризуют человека в гневе: *wychodzić z siebie, stracić nad sobą kontrolę, nie ręczyć za siebie*.

Таким образом, можно сделать вывод, что языковое сознание носителей русского и польского языков представляет само себя как некое физическое существо, ограниченное в конкретном пространстве. Каждый человек неосознанно воспринимает себя как вместилище для чувств и эмоций, которое ограничено поверхностью тела и обладает возможностью ориентации по типу «внутри – извне».

Список литературы:

1. Бондаренко А.В. Теория функциональной грамматики. Персональность.
2. Залоговость. – СПб., 1991.
3. Красных В.В. Концепт «Я» в свете лингвокультурологии // Язык. Сознание.
4. Коммуникация. – М., 2003. – Вып. 23. – С. 4-14.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.

Шишканова Нина
Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
ninash0411@gmail.com

Tekst miejski i pogranicze kultur

Tekst miejski – to rodzaj tekstu literackiego, w którym jednym z bohaterów jest miasto. Mówiąc ogólnie, miasto (locus), jest obdarzone określonym znaczeniem,

cechami, wartościami, które są właściwe dla danej kultury. Wchodząc w tę przestrzeń bohater (a także czytelnik) zanurza się w system stereotypów, tematów i archetypów związanych z określonym miejscem i aktualnych dla społeczeństwa, które identyfikuje się z tym miastem.

Pogranicze kultur – to są szczególne strefy kontaktowe, gdzie można obserwować interakcje kultur. Te strefy charakteryzują się szczególną dynamiką społeczno-kulturową. Pojęcie to wiązało się głównie z położeniem geograficznym. J. Lotman określał granicę jako „strefę dwujęzyczności kulturowej, zapewniającą kontakty semiotyczne między dwoma światami, strefę "kreolizowanych" kultur semiotycznych”.

Gdańsk jest miastem o skomplikowanej historii. Władza na jego terytorium zmieniała się wiele razy, podobnie jak kultura. To wszystko odbijało się na gospodarce, kulturze, mieszkańcach. Taka różnica w "urządzeniu miasta" może być zauważona przy rozważaniu nad powieściami "Weiser Dawidek" Pawła Huellego i "Błaszany bębenek" Günтера Grassa.

W powieści "Błaszany bębenek" głównym miejscem akcji jest Danzig. Czas istnienia Danziga jest ściśle określony ze względu na okoliczności historyczne. Główny bohater, który nazywa się Oskar Macerath, nie jest tylko mieszkańcem Danziga, nie jest tylko postacią powieści. Autor przedstawia Oskara jako uosobienie zła, które niszczy ludzkie życie. Tak więc w powieści pojawia się opozycja „kosmosu” i „chaosu”, które stanowią świat Danziga, świat każdego człowieka i Oskara Maceratha z jego działaniami, odpowiednio.

W powieści "Weiser Dawidek" główne wydarzenia rozgrywają się latem 1957 roku w Gdańsku. Głównym bohaterem jest Paweł Heller, który wiele lat po wydarzeniach z 1957 roku wciąż zastanawia się nad tym, co się stało. Warto jednak podkreślić, że w tej powieści "złem" nie jest narrator, lecz Weiser Dawidek.

W "Błaszany bębenku" miasto - ucieleśnienie kultury i cywilizacji - przeciwstawia się morskiej przemocy, której nie można jednak nazwać niszcząca. W "Weiserze Dawidku" antypodem miasta staje się las - miejsce, w którym dzieci mogą ukryć się przed okrucieństwem zewnętrznego świata. Grass opisuje "rozkwit" niemieckiego miasta i jego "zapaść", podczas gdy Huelle zwraca się do okresu w historii, kiedy miasto było w pewnym sensie "martwe" i czekało na przebudzenie.

Warto również zauważyć, że główny bohater powieści Huellego pragnie znaleźć spokojny świat. W powieści Grassa również występuje poczucie chaosu, ale taki stan przynosi Oskarowi tylko pozytywne emocje. W ten sposób pokazano bliską relację bohatera z chaosem, czyli z obcym światem.

Rozważając taki locus z dwóch punktów widzenia, można lepiej złożyć jego obraz: miasto jest blisko śmierci, ludzie nie chcą w nim żyć, wskazują na to pewne cechy życia w takiej przestrzeni, a w przypadku Gdańska/Danziga, jedną z takich cech wydaje się spustoszenie przestrzeni miejskiej.

Список литературы:

1. Андреева А.А., Пограничье в контексте идей культурно-исторической эпистемологии//Вестник калмыцкого университета, 2017г. № 35 (3). С. 108-

113. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pogranichie-v-kontekste-idey-kulturno-istoricheskoy-epistemologii> (дата обращения: 08.05.2024)
2. Гугнин, А.А., Культурное пограничье в творчестве Иво Андрича//Вестник московского университета, 2021г. №9. С. 101-113. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-pogranichie-v-tvorchestve-ivo-andricha> (дата обращения: 08.05.2024)
3. Толкачев С.П., Английская литература «пограничья» и постколониальный роман//Вестник МГЛУ, 2018г. №17 (815). С. 241-257. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskaya-literatura-pogranichya-i-postkolonialnyu-roman> (дата обращения: 08.05.2024)

СЕКЦИЯ «ЮЖНАЯ СЛАВИЯ И РОССИЯ»

Антипина Дарья

*Исторический факультет Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
dari.antipina@mail.ru*

Обраћање традиционалним култовима у либрету балета „Жив огањ”

Момчило Настасијевић је био симболиста, његова дела су испуњена митским сликама и древним ритуалима, има их и у његовом либрету балета «Жив огањ». У Настасијевићевом либрету сам идентификовала три култа која симболизују развој човечанства. Потражила сам аналогije тим култовима у различитим културама и у различитим епохама.

На почетку либрета Настасијевић приказује све у сивој боји, људску масу која се креће у хаотичним правцима. За Настасијевића тако изгледа друштво, које још не обједињује никаква идеја, без објеката обожавања, без вредности, то чак и није друштво – то су само људска бића.

Из тог неконтролисаног кретања настаје круг људи, који почињу да се крећу у једном правцу, унутар првог круга се појављује други, кретање у њему је усмерено у супротном правцу. Чине га старије жене, то је круг који симболизује мртве. То је први од култова који је настао међу људима – култ предака, он укључује три саставна дела. Први је поштовање старијих људи, они су персонификовали мудрост. У Француској је један од домова парламента носио такво име и први критеријум за учествовање у раду тог дома био старосни.

Други део тог култа је поштовање одраслих рођака. Ради се о старању за оне, који више физички не могу да брину о себи, али поседују мудрост, коме се може обратити за савет. У козачким породицама, право да први узме храну из заједничке чиније припадало је најстаријем у породици.

Трећи елемент култа је поштовање родовског претка, који касније често постаје покровитељ породице. Такав преображај се дешава у низу култура, свеца заштитника поштују у Јапану, Кини, као и међу Словенима – у Русији или у Србији где се слави празник Крсна слава.

Заплет балета се развија тако што се из круга предака издвајају двојица „Снажних“, који се узимају за руке и почињу да се вуку у једном или другом правцу. Понављање ове синхроне акције заједно са трећем, производи искру која се претвара у пламен. Ово је почетак развоја култа пламена, други корак ка развоју човека. У већини држава класичног Истока, ватра је имала и симболичку и идеолошку функцију. У индијској ведској митологији, ватра се доживљавала као божанство.

Даље у балету, захваљујући припитомљеној ватри, живот људи постаје чистији и светлији и на сцени се јављају двоје - Стојан и Стоја, брат и сестра,

близанци. Држећи се за руке, подижу их и формирају „капију“. Пролазећи кроз ову капију, парови постају плодни - могу да имају децу. То је трећи, завршни култ, последњи корак ка успостављању реда међу људима. Култ плодности је представљен и у традицијама других народа. На пример, на територији данашње Шведске и Естоније сматрало се исправним да само младе жене, још боље само трудне жене, сеју лан. Настасијевић пише о култовима у животу човечанства, који омогућавају људима да прођу пут од хаоса и неизвесности до организације и реда. При стварању либрета обраћа се култовима преузетим из српске народне културе. Они се налазе и веома су популарни у културама других народа широм света, што указује на заједничко схватање основних, у смислу њихове незаобилазности, вредности.

Список литературы

1. *Зечевић С.* Елементи наше митологије у народним обредима уз игру. Зеница, Издања Музеја града Зенице, Радови V, 1973.
2. *Зечевић С.* Српске народне игре (порекло и развој). Београд, Вук Караџић, Етнографски музеј, 1983.
3. *Јеремић Љ.* Природа фантастике у приповеткама Момчила Настасијевића. Београд, Глас из времена, БИГЗ, 1993.
4. *Крагујевић Т.* Митско у Настасијевићевом делу. Београд, Вук Караџић, 1976.
5. *Настасијевић М.* Дrame // Сабрана дела Момчила Настасијевића у редакцији Новице Петковића, Горњи Милановац, Дечје новине, Српска књижевна задруга, 1991, књига друга.
6. *Чајкановић В.* Мит и религија у Срба, изабране студије у редакцији

Анцупова Валерия
Факултет иностраних јазыков и регионоведения Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова
Lera.ants@yandex.ru

Умалителни форми на личните мъжки имена в българския официален дискурс

Проучването на националните антропонимични системи е една от актуалните задачи на съвременната лингвистика. В нашето изследване се анализира функционирането на умалителните имена в съвременния български език. Разглеждат се умалителните форми на лични мъжки имена в служба на «документални» в официален български писмен текст. Миналата година направихме извода, че в съвременния български език за разлика от руския, съкратените и умалителните форми на лични женски имена се използват не само в говоримата реч, но и в официалния писмен текст като «документални» [Анцупова, 2023: 41]. Сега бихме искали да представим анализа на мъжките лични имена в официалния дискурс.

Задачата, която си поставихме, е да изясним доколко е актуална употребата на съкратени и умалителни форми на лични мъжки имена в официален писмен текст във функция на «документално» име. За целта взехме текста на «Библиография по българска лексикология, фразеология и лексикография 1950 - 2010» [Библиография, 2011], който съдържа 5 000 позиции. Датите позволяват да смятаме получените от този източник данни за актуални. Сред фразеолозите и лексикографите мъжките имена са представени по-скромно от женските, затова решихме да се възползваме от още един източник: анализирахме и имената на депутатите от 43-то Народно събрание, като предположихме, че там ще има повече мъжки имена. Първата ни констатация е, че умалителните форми на лични мъжки имена в официален текст се срещат значително по-рядко от женските.

Бихме могли да посочим някои от по-разпространените. Това са: *Яко; Стойне; Павло; Никола; Алексо; Димо; Иво; Мишо; Коста* и други.

Заслужава да отбележим умалителните форми на лични имена, образувани с наставка, които са записани в официалните документи: *Минко; Велчо; Стойко; Радко; Милко; Неделчо; Славчо; Петко; Тошко; Живко* и други.

В изследваните източници мъжките лични имена предимно се използват в пълна форма. Ако говорим за произход, то най-често срещаните лични мъжки имена са от български и славянски произход. Има и имена от чужд произход, например, от турски (*Мустафа, Лютфи, Ибрагим*) или от европейски езици (*Евгени, Имануил, Дениел*). Но техният брой не е много голям. В последния доклад установихме, че сред женските имена са доста популярни флорални: *Цветана, Маргарита, Роза, Лилия* и т.п., но такава тенденция не се забелязва сред мъжките имена. Единственото флорално мъжко име в изследваните източници е *Цветан*. За разлика от това сред двусъставни имена преобладават мъжки: *Любомир, Владислав, Велизар* и т.п. Интересно е, че се запазват и имена от прабългарски произход такива, като *Крум* и *Аспарух*, което показва особения интерес на българите към средновековната история и стремежа за съхраняване на културното наследство.

В резултат на съпоставянето можем да констатираме, че умалителните форми на лични мъжки имена се използват в официалния дискурс значително по-рядко от женските.

Список литературы

1. *Анцупова В.* Умалителни форми на личните женски имена в съвременния български език. М: Славия: история, култура, език, 2023. С 41-43
2. *Васева И.* Умалителност, експресивност, емоционалност. София: Авангард Прима, 2006. С 107-109
3. *Котова Н., Янакиев М.* Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 1002
4. *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985
5. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. М., URSS, 2008

6. Библиография по българска лексикология, фразеология и лексикография 1950 - 2010. София: изд-во Проф. Марин Дринов, 2011
7. Сайт Народного собрания Болгарии – URL: <https://ua-bg.com> (дата обращения: 18.03.2024).

Мищаненко Дмитрий
*Исторический факультет Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова*
22dima06@gmail.com

Љубљанска покрајина за време Другог светског рата (1941-1943)

6. априла 1941. године немачка авијација је извршила тешко бомбардовање Београда. Након чега је уследила инвазија на Југославију. Италијанске трупе су заузеле читаву југословенску обалу, али је Италија добила само покрајине Карнаро и Љубљану, као и север далматинског приморја.

Територија Словеније у почетку није била међу територијалним претензијама фашиста, јер тамо нису живели Италијани. Италијански карактер регије је био одређен чињеницом да је територија историјски припадала Горици, Аквилејској патријаршији, Фурланском војводству и Илирским провинцијама Римског царства, те римски град Емона (модерна Љубљана) била је важно комуникацијско чвориште [Rodogno, 2006: 82].

Дана 3. маја 1941. издати су краљевски декрети о припајању нових територија Краљевини Италији и тамо су послани провинцијални префекти да успоставе цивилну власт на новостеченим територијама. Покрајина Љубљана, као и Карнаро, постала је део регије Венеција Ђулија. А сама покрајина се састојала од главног града, 5 округа, који су се делили на 95 општина. Окрузима су управљали окружни комесари, који су бирани међу словеначким племићима [Cuzzi, 1998: 43]. У административном смислу, фашисти су словеначке територије сматрали органским наставком италијанских провинција.

С друге стране је нова покрајина имала посебан статус. На челу Љубљанске покрајине био је Високи комесар. Имао је иста права као префект, али је имао и проширена овлашћења. Покрајина је имала политичку и административну аутономију [Gobbeti, 2013: 89]. Већина општинских власти формираних у Краљевини Југославији наставила је да функционише, судство и градска управа су сачувани. Службени језици су били италијански и словеначки. Становништво је било ослобођено службе у италијанској војсци [Cuzzi, 1998: 48].

Главни противник италијанске војне и цивилне управе био је Словеначки народноослободилачки фронт. Партизани су водили тактику личног терора и

над Италијанима и против колаборациониста. [Ferenc, 1994: 273]. Током пролећа и лета 1942. године у Љубљанској покрајини трајали су војни сукоби између италијанских трупа и партизана. У Љубљани је настала јединствена ситуација. Словеначко становништво је почело да осећа да је италијанска окупација мање зло у поређењу са герилским покретом инспирисаним од стране комуниста [Cuzzi, 1998: 79].

Када је оружана борба завршена, Високи комесар Грациоли је у писму упућеном Риму 16. јануара 1943. тражио од централних власти да поврате цивилну власт у покрајини и, пре свега, да ограниче активности војног суда. Грациоли је настојао да уведе италијански закон у покрајину и тако у потпуности интегрише територије у Краљевину Италију. Али је 15. јуна 1943. уклоњен са свих дужности, пребачен на Сицилију, а на његово место је послат Ђузепе Ломбраса.

Мусолини је имао огромне планове за Ломбрасу. Веровао је да ће успети да изврши велике промене у штабовима префеката. Али је у Риму 25. јула Дуче уклоњен са свих функција, па је Ломбраса поднео оставку. Место њега ће бити послат Рикардо Мојзо, али неће имати времена да ништа промени након што је Италија 8. септембра изашла из рата, немачке трупе су заузеле Љубљану и целу источну обалу Јадранског мора. Ту се завршава прича о боравку Италијана у Словенији.

Список литературы:

1. *Vocca Giorgio*. Storia d'Italia nella guerra fascista 1940-1943. Milano, Mondadori editore, 1997.
2. *Cattaruzza Marina*. L'Italia e il confine orientale, 1866-2006. Bologna, Il Mulino, 2007.
3. *Cuzzi Marco*. L'occupazione italiana della Slovenia (1941-1943). Roma, Stato Maggiore dell'Esercito ufficio storico, 1998.
4. *Ferenc Tone*. La Provincia "Italiana" di Lubiana. Udine, Istituto Friulano per la Storia del Movimento di Liberazione, 1994.
5. *Gobetti Eric*. Alleati del nemico. L'occupazione italiana in Jugoslavia (1941-1943). Bari, Laterza, 2013.
6. *Rodogno Davide*. Il nuovo ordine mediterraneo. Torino, Bollati Boringhieri, 2003.
7. *Rodogno Davide*. Fascism's European empire: Italian occupation during the Second World War. Cambridge University Press, 2006.

Нугамедзянов Артём

*Исторический факультет Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
lux_scientiae@mail.ru*

Представянето на взаимодействието между ВМОРО и ВМОК в романа «Илинден» на Димитър Талев

В проучването се разисква проблемот на взаимодействието между револуционни организации, действали в Македонија во крајот на XIX – почетокот

на XX век и представянето им в романа «Илинден» на българския писател Д. Талев. Всички организации са били свързани с България и са си поставили за цел освобождение на Македония и Одринско, които са нямали автономия в Османската империя.

Двете от най-важните македонски организации по това време са ВМОРО и ВМОК. ВМОРО, Вътрешната македоно-одринска революционна организация, е била създадена през 1893 г. в Солун. Оттогава ВМОРО е била първото българско революционно движение, което не е зависело директно от България. ВМОК, Върховния македоно-одрински комитет, е бил създаден в София през 1895 г. и се е стремил към освобождението на Македония и Одринско с пряко участие на България [Елдъров, 2003: 36-40].

Като говорим за Димитър Талев, който е един от най-известните български писатели през XX век, трябва да отбележим, че той се е придържал към националистически възгледи. По време на Т. Живков (1954-1989), който е променил българската политика спрямо македонския въпрос в съответствие с българските интереси, Талев е написал поредица от исторически романи, посветени на македонските събития в края на XIX – началото на XX век. Популярното му творчество е било добър инструмент за политиката на паметта по отношение на македонския въпрос. Нашето изследване засяга отношенията между ВМОРО и ВМОК в романа «Илинден».

Талев ни показва отношенията между ВМОРО и ВМОК предимно като конфликт. Той е обрисован в разговора между водача на ВМОРО Гоце Делчев и водача на ВМОК Данаил Николаев. Разговорът наистина е станал през февруари 1896 г. [Яворов, 1904: 30-31]. В романа Делчев критикува Николаев за незнанието на положението в Македония и Одринско и за неуспешните авантюри [Талев, 1953: 96-97].

През същата година Николаев е напуснал длъжността си. Неговият приемник Йосиф Ковачев е поканил Делчев да влезе във ВМОК, от което Делчев се е отказал [Кьосев, 1967: 279-280]. В края на 1890-те години отношенията между организациите са били приятелски. ВМОК също е помагал на ВМОРО да разреши конфликта ѝ с Българската екзархия и е подкрепвал ВМОРО с оръжие и други ресурси [Силянов, 1933: 123-126]. Обаче Талев не споменава за това.

Талев ярко описва въоръжените сблъсквания между четите на ВМОРО и ВМОК [Талев, 1953: 471], които са ставали в началото на 1900-те години поради разпалването на въстание в Македония от ВМОК [Хаджидимов, 1902: 11-14]. Сраженията между четите наистина са се случвали, но като цяло двете организации са действали заедно [Силянов, 1933: 339-341].

В заключение бихме искали да отбележим, че Талев вярно е описал взаимоотношенията между ВМОРО и ВМОК като цяло, но му е присъщо опростяване на фактите и по-схематичното им тълкуване. Романите му са изиграли своята роля в създаването на един нов наратив за македонското освободително движение в края на XIX – началото на XX век в

социалистическа България. Наративът се характеризира с прославянето на ВМОРО, квалификацията ѝ като българска национална организация и обвиненията срещу българското правителство за недостатъчната му подкрепа на българската кауза в Македония.

Список литературы:

1. Гоце Делчев. Писма и други материали / Съст.: Д. Кьосев. София: Изд-во на Българската академия на науките, 1967. 347 с.
2. Елдъров С. Върховният Македоно-Одрински комитет и Македоно-Одринската организация в България 1895-1903. София: Иврай, 2003. 342 с.
3. Силянов Х. Освободителните борби на Македония. Т. 1. Илинденското въстание. София: Издание на Илинденската Организация, 1933. 454 с.
4. Талев Д. Илинден. София: Български писател, 1953. 638 с.
5. Хаджидимов Д. Македонският въпрос и учителя. Кюстендил: Печатница «Изгрев», 1902. 71 с.
6. Яворов П. Гоце Делчев. София: Олчева книжарница, 1904. 106 с.

Новикова Мария, Хаткевич Анна

Факультет Иностранних Языков и Регионоведения

Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова

marianov.2003@yandex.ru

hatckevitch.anna@yandex.ru

Проблема миграции в болгарском кинематографе XX и XXI вв.

Проблема миграции актуальна и сложна. Она затрагивает многие страны, включая Болгарию. Миграция связана с опасными путешествиями, нелегальным трудоустройством и плохими условиями жизни. Фильмы помогают понять причины миграции и привлечь внимание общественности к этому вопросу. Именно поэтому анализ остро социальных художественных фильмов является особенно актуальным не только для специалистов по борьбе с миграционным кризисом, но и для всей мировой общественности.

В фильмах «Первый курьер», «Господин Никто», «Украденный поезд» и «Следы на песке» затрагивается тема политической миграции. Герои сталкиваются с трудностями бегства и поиска безопасности. Эмил Боев из «Господин Никто» балансирует между ЦРУ, контрразведкой и эмигрантами, проявляя стойкость. Саша из «Украденный поезд» участвует в рискованной операции, отражая вовлечение молодого поколения в политическую борьбу.

В «Следах на песке» Слави показывает, что вдали от дома человек теряет себя и не может быть счастлив. Вернувшись в Болгарию, он понимает, что трудности на родине — не повод сбегать, ведь дом и семья незаменимы.

В фильмах «Бай Ганьо» и «Мир велик, а спасение поджидает за углом» раскрывается проблема трудовой миграции. Так, Бай Ганьо приехал в Европу чтобы продавать свой товар - только материальный интерес руководит его

действиями. Проблема места болгар в европейском культурном сообществе актуальна и сегодня. После столетий рабства Болгария отстала от европейского темпа развития.

Действие фильма «Мир велик, и спасение поджидает за углом» Стефана Комардарева (2008 г.) начинается в 70-х годах XX века, когда Александр и его семья вынуждены эмигрировать из Болгарии в Германию, скрываясь от КГБ, заставляющего отца Александра доносить на своих родственников. «На западе все свободные, богатые и счастливые», - уверены они. 25 лет спустя его родители погибли в автокатастрофе, а Александр потерял память. Тогда к нему приезжает дедушка, который забирает внука на родину, где помогает ему прийти в себя и прививает взгляды и привычки настоящего болгарина.

Еще одной причиной эмиграции болгар может стать поиск лучшей жизни, например, как это показано в фильме «Тилт» режиссер умело передает драматические изменения, произошедшие в Болгарии за два года, показанные в фильме.

Любовь также часто становится причиной миграции. Например, главная героиня картины «Накануне», прогрессивная девушка, полная возвышенных идеалов, стремления к свободе, деятельному добру и любви, решила оставить свой дом и уехать с мужем в Болгарию, чтобы остаться там.

Так же как и Жерар, герой фильма «Иностранец», который, несмотря на различия культур, настолько влюбляется в гостеприимство, дружелюбие и открытость болгар, что решает жениться, пусть уже и не на Магдалене, которую искал по всей Болгарии, а на другой прекрасной болгарской девушке, и остаться на ее родине навсегда.

Анализ фильмов показывает многогранность тем эмиграции и иммиграции в Болгарии, затрагивая исторические, культурные и социальные аспекты. Персонажи, как Бай Ганьо, иллюстрируют сложности национальной идентичности и культурной интеграции. Темы трудовой миграции и улучшения жизни в «Тилт» и «Следы на песке» демонстрируют адаптацию болгар за границей. Фильмы «Иностранец» и «Накануне» показывают, как любовь пересекает культурные границы. Эти фильмы помогают понять болгарскую культуру и вызовы миграции.

Список литературы:

1. Аверинцев С.С. Архетипы // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М., 1980. С. 110.
2. Большакова А.Ю. Архетип - концепт - культура // Вопросы философии. 2010. No 7. С. 47-53.
3. Гачев Г. Ментальности народов мира. М., 2008.
4. Дима А. Образ иностранца в различных национальных литературах / Дима А. Принципы сравнительного литературоведения. М., 1977. С. 148-153.
5. Петр Керджилов. «Славянска беседа» — първият киносалон в София. — В: Културното наследство в съвременния град. Юбилеен сборник, посветен на

85-годишнината на ст. н.с. Магдалина Станчева. С., Нов български университет, 2011.

7. E. Hall, *Beyond Culture*. New York: Doubleday, 1976.

8. Geert Hofstede, *Culture's Consequences*, Haag, 1980.

Стекачев Артём

Исторически факултет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

artem.stekachev19@yandex.ru

Идеје консолидације код аустријских Словена на почетку двадесетог века: од хрватско-српске коалиције до стварања Краљевине СХС

Основни циљ реферата је да се оцени ниво развоја националног идентитета аустријских Словена на почетку двадесетог века. Идеја о уједињењу југословенских народа јавља се већ у првој половини 19. века. Илирске провинције су обухватале аустријске територије на којима су живели Словени: Далмацију, Корунску, Истру и Крањску, односно територије данашње Хрватске и Словеније. После је Бечки конгрес вратио те земље Хабзбурговцима, који су на тим просторима створили краљевину Илирију и краљевину Далмацију. За наше истраживање није толико интересантна политичка компонента феномена Илирских провинција, колико идеолошка и културолошка. Вероватно је и она утицала на појаву илиризма – једне од првих идеја јединства јужних Словена. Како су се те идеје развијале касније, посебно почетком двадесетог века, уочи стварања Краљевине СХС – заједничке државе за Србе, Хрвате и Словенце?

Разматра се програм «Удружене опозиције» који је резултат међусобних уступака ХНС-а (Хрватске националне странке) с једне стране и ХПС-а (Хрватске странке права) с друге стране. У њему је стајало да ће се опозиција борити за «самостално државно хрватског народа у границама Хабзбуршке Монархије на подручју Хрватске, Славоније и Далмације». То се удружење убрзо распало, али је поставило темеље за даљу политичку сарадњу [Istorija srpskog naroda, 1994: 387-389].

Даље се разматрају и други програмски документи словенских политичких партија, међу којима су посебно значајне Ријечка и Задарска резолуције. Истичу се следеће кључне тачке: Задарска резолуција каже да је постојећа Аустроугарска монархија «свом снагом кочила развој домовине хрватског и српског народа» [Хрестоматия, 1989: 162]. Она проглашава равноправност хрватског и српског народа, као и то да се Угарска у остваривању својих интереса мора ослонити на помоћ немађарских народа, посебно народа Троједне Краљевине Хрватска, Славонија и Далмација. У реферату се износи да је Анте Трумбић направио политичку грешку у Ријечкој резолуцији. Његов аутор је становништво Краљевине Угарске назвао „мађарским народом“, не делећи га на Мађаре, Србе и Хрвате. То је разбеснело

и Србе и Хрвате. Задарска резолуција је у том погледу савременицима звучала много привлачније, јер је јасније дефинисала равноправност хрватског и српског народа. Упркос распаду ове политичке уније, Коста Милутиновић и други југословенски историчари хрватско-српску коалицију сматрају важном етапом у развоју националне идеје код аустријских Словена [Istorija srpskog naroda, 1994: 401-402].

Закључује се да је међу јужним Словенима Аустријског царства почетком двадесетог века била популарна идеја уједињења која је имала за циљ одвајање од Хабзбуршке монархије. При томе се напомиње да се она најдубље укоренила у Далмацији, одакле су најчешће долазиле паролe јужнословенског јединства. Касније се ова тенденција интензивирала током Првог светског рата и постала један од најважнијих унутрашњих фактора у стварању јединствене југословенске државе [Писарев, 1975; Шемякин, 1998].

Список литературы:

1. Писарев Ю. А. Образование югославского государства. М.: Наука, 1975. Програми и статуты српских политичких странака до 1918. Београд, Књижевне новине, 1991.
2. Романенко С. А. Национальные движения южных славян Австро-Венгрии. 1890-1918 гг. М.: Вече, 2013.
3. Ђоровић В. Историја Југославије. Београд, Народно дело, 1933. Хрестоматия по истории южных и западных славян в трех томах. Новая история. М.: Университетское, 1989. Т. 2.
4. Шемякин А. Л. Сербское общество на рубеже XIX–XX вв.: традиционализм и модернизация. Взгляд изнутри // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этно-политических столкновений. СПб.: Алетейя, 2002. С. 31-49.
5. Шемякин А. Л. Югославянская программа Сербского королевства в первый период войны (август 1914 – октябрь 1915 гг.) // Первая Мировая война – пролог XX века. М.: Москва, 1998. С. 380-396.
6. Istorija srpskog naroda – Šesta knjiga. Prvi tom: Od Berlinskog kongresa do ujedinjenja (1878-1918). Beograd, Srpska Književna Zadruga, 1994.

Фёдор Узенёв
Институт Славяноведения РАН
defuzen95@mail.ru

«Исторические пути эволюции болгарской церковной музыки: от анонимности к авторскому творчеству».

Возникновение болгарской церковной музыки относится к концу IX века (893 г.), когда официальным языком Болгарии становится болгарский язык (тогда старославянский). Наряду с этим возникает необходимость перевода византийских песнопений с греческого на славянский язык. Логично предположить, что при переводе возникали отклонения от канона, которые, в

сущности, не изменили канонизированный византийский распев. Ещё братья Кирилл и Мефодий использовали славянский язык в богослужебной практике, но происхождение исполняемых песнопений неизвестно. Церковные песнопения на славянские тексты также сочинял и видный болгарский просветитель конца IX – начала X века Климент Охридский. Единственные дошедшие до нас письменные памятники с церковными песнопениями той эпохи – «Зографский трефологий» (XIII век) и «Бориловский синодик» (XIV век). [Энциклопедия, 1967: 75]

Одним из наиболее ярких авторов всей средневековой восточноправославной музыкальной культуры является Иоанн Кукузель (ок. 1280 – ок. 1360 гг.), создатель песнопений в новом калофоническом стиле (от др. греч. калоφωνία, от καλός — прекрасный и φωνή — голос, звук), «прекраснозвучной» певческой манере исполнения духовных песнопений. Наиболее известное его сочинение, дошедшее до нас в многочисленных стенограммах XVII и XVIII веков (документах, записанных с помощью стенографии, – особого вида записи устной речи с помощью специальных знаков и сокращений) – «Полиелей для болгарки», вероятно, посвящённое его матери. И. Кукузел внёс значительный вклад в окончательное редактирование нового вида византийских песенных сборников – «аколутий», содержащих значительное число калофонических мелодий. Он также составил и графическое изображение осмигласной системы – т.н. «колесо», символизирующее её совершенство. [Крачева, 2008: 37]

В XIII и XIV веках в Болгарии усиливается оппозиция против политической, религиозной и культурной экспансии Византии. Эта борьба затрагивает и церковное богослужение. В такой обстановке возникает потребность в создании самостоятельных церковных песнопений не по византийскому образцу. Вероятно, в это время формируется т.н. «болгарский распев», записанный в русских рукописях в XVII - XVIII веках. [Энциклопедия, 1967: 75] Болгарский распев – одна из разновидностей знаменного пения (церковного пения по невмам, - специальным знакам или знамёнам, использовавшимся для его записи). В течение трёх столетий с момента его появления в рукописном виде болгарский распев претерпевает значительные изменения.

Многие русские исследователи церковного песнопения свидетельствуют, что болгарский распев существенно отличается от остальных распевов. Прежде всего, в нём наиболее ясно чувствуется влияние народных песен. Его ясная и лаконичная песенная структура, отклонение от канонов осмигласного построения распева, эмоциональная выразительность, – всё это сильно напоминает мотивы и концепции славянского светского народного песнопения. Если судить о болгарском распеве по его содержанию, он является одним из наиболее ранних предвестников более поздних народных церковных распевов, являющихся реакцией на канонизированные песнопения западной и восточной христианской церкви.

С падением Второго Болгарского царства в 1396 г. и началом Османского владычества болгарский распев прекратил своё развитие. Страна потеряла свою политическую и церковную независимость. Было изгнано из своей страны множество просвещённых людей, в числе которых были носители антивизантийских национальных церковных песнопений. В других славянских странах они продолжали свою богослужебную деятельность, исполняя болгарский распев. Имеются данные о том, что в ирмологиях юго-западной церкви сохранился осмигласный вариант этого распева. Подобные распевы вероятно использовались в богослужениях в различных болгарских монастырях, оборвавших связи с уже ставшими для них политическими врагами – византийскими священнослужителями. [Энциклопедия, 1967: 76]

В конце XVIII – начале XIX века ряд болгарских монастырей прилагает усилия к переводу на болгарский язык византийских песнопений и сочинению новых болгарских песнопений. Развитие болгарской церковной музыки тесно связано с деятельностью Рильской певческой школы. Известно, что в Рильском монастыре уже долгое время работала школа, в которой изучалось церковное песнопение, а богослужение, вероятно, велось на церковнославянском языке. Когда именно возникла певческая школа – нельзя сказать точно. Неофит Рильский (1793 – 1881), игумен Рильского монастыря, указывает, что школа начинает свой путь развития в 1790 г., когда в монастырскую школу приехал в качестве преподавателя известный афонский певец Иоасаф. В 1812 г. его сменил Иоасаф II, у которого, вероятно, и учился Неофит Рильский. Именно он, после поездки в 1816 г. в Стамбул, привёз рукописи, содержащие основные положения так называемой Хурмузиево-Хрисантовой реформы и примерно в 1820 г. начал огромную работу по её усвоению и приспособлению к новой болгарской действительности. [Крачева, 2008: 44-45]

В 1814 г. в православной церковной музыке произошла Хурмузиево-Хрисантовая реформа или «реформа трех учителей» (архимандрит Хрисанф из Мадита, Хурмузий Хартофилакс и протопсалт Григорий), в результате которой был упрощён ряд знаков невменной нотации, были введены сольмизационные строчки (несомненно, под влиянием западноевропейской музыки) и некоторые структурные изменения в песнопениях. В Болгарии реформа была принята сразу после её установления. Усвоение реформы происходило в процессе перевода с греческого языка и приспособлении установленных мелодий к православному тексту. Таким образом, устная певческая практика ограничивалась, так как преследовала две основные цели: установление единого церковного песнопения и сопричастность к новым процессам, протекавшим на Балканском полуострове. Центральной фигурой в этом процессе был Неофит Рильский, который кроме «переведённых» имел и значительное количество собственных сочинений. Анализ нотных церковно-певческих сборников Рильской певческой школы показал, что при переводе произошло своеобразное «оболгаривание» греческих мелодий. Мелодический материал не переносился механически, при этом проявилось предпочтение к

определённым фразам в сочетании с незафиксированными в греческих источниках мелодическими образованиями.

Усвоение Хурмузиево-Хрисантовой реформы имело целью сделать музыку доступной для болгар, но не через её упрощение, а через включение ее в новую сформировавшуюся систему культурных ценностей. Процесс преобразования церковной музыки, выраженный в переходе от чисто служебных церковных песнопений к формированию развитой профессиональной музыкальной культуры начался в XIV веке с творчества Иоанна Кукузеля, прекратился на несколько столетий и возродился с новой силой в XIX веке. Существует множество сведений об исполнении церковных песнопений во время бытовых торжеств, к которым добавляется и тот факт, что церковное песнопение изучается в открывающихся в XIX веке светских школах. В порядке вещей было во время празднеств петь и народную песню, и "Достойно есть" (болгарский распев), а в конце учебного года ученики пели и школьные песни, и церковные песнопения. Особенно на ранних этапах Возрождения, когда светская музыкальная культура была ещё не так хорошо развита, церковная музыка наделяется несвойственными ей функциями и возлагает на себя задачи, которые при других условиях являются нетипичными для неё. Она воспринимается как образ «науки», «профессиональной» культуры, происходящей от традиций, но в то же время и как возможный носитель «другого», нового, содержащего в себе импульс к переменам. Подобную цель преследуют и нотные сборники середины XIX века. Особый вклад в их появление внесла Хурмузиево-Хрисантовая реформа, в результате которой упрощение графических знаков смогло предоставить возможность для их более лёгкой печати.

Эти сборники печатались в Стамбуле и Бухаресте и предназначались не только для священнослужителей, но и для всего болгарского населения. Они издавались и распространялись главным образом с помощью системы благотворительности. Первым таким сборником считается «Антология» (издан в 1846 г. в Стамбуле), составленным Павлом Куртовичем Чалоглу и Георгием П. Константиновым. Почти в то же время Николай Триандафилов напечатал в Бухаресте «Цветособрание», «Воскресник» (1847) и «Краткий ирмологий» (1849). Значительна по объёму была и музыкально-издательская деятельность хаджи Ангела Иванова Севлиевица. Он издал в Стамбуле «Ковчег цветособрания» (1857), «Воскресник» (1859), «Славик» (1864), «Стихирар» (1868), «Минейник» (1869) и «Ирмологий» (1875). В 1869 г. Иван Геннадиев, также известный как Иоанн Хармосин Охридски, составил сборник «Пасхалия», а в 1872 г. вышел «Воскресник» Тодора Икономова. В 1854 и 1872 гг. в Стамбуле были напечатаны сборники «Църковно песнопение» и «Черковно песнопение», издателем и составителем которых был Драган Манчов. Все они содержат преимущественно греческие песнопения. Только в сборнике «Църковно песнопение» Драгана Манчова мы открываем указание авторства

Иоанна Кукузела, а в «Черковно песнопение» тем же составителем указан автор хаджи Ангел Иванов Севлиевец.

Трудно судить о фактическом применении этих сборников, об их распространении в различные регионы страны и об их популярности. Но, учитывая положение дел в области музыкальной культуры во время заключительного этапа Болгарского Возрождения, можно предположить, что они не играли решающую роль в формировании болгарской музыкальной культуры. Основной причиной является то, что церковная музыка, вопреки реформам, осуществлявшимся в ней и наделявших её несвойственными ей функциями, оставалась запертой в своих каноничных рамках. Она была не в состоянии играть ведущую роль в такую явно светскую эпоху, как Болгарское Возрождение. Борьба за самостоятельность болгарской церкви, в разгар которой выходила большая часть вышеперечисленных сборников, являлась прежде всего борьбой политической, а не ортодоксальной.

Церковная музыка в эпоху Возрождения ставила в приоритет национальную идею, выражавшуюся в плавном обновлении традиций, без резких переходов и потрясений. Такой подход вступал в противоречие с бурным размахом эпохи, требовавшим более радикальных изменений. По этой причине первостепенное значение в эту эпоху приобрели другие области музыкальной культуры (классическая, военная, народная, городская музыка и др.).

Экономические перемены конца XVIII и начала XIX века поставили на передний план вопрос о создании нового типа образования, которое могли бы получить болгарские дети. Церковно-приходские школы уже не могли отвечать новым потребностям. Возникла необходимость создания светских школ. Новые болгарские школы с самого начала формировались как светские учебные заведения, и поэтому церковное песнопение не могло полностью удовлетворить необходимость в духовном обновлении. Возникла необходимость в создании новых песен, которые впоследствии стали называться школьными. Авторами этих песен обычно были учителя, но часто и некоторые из выдающихся деятелей эпохи Возрождения.

Школьные песни встречаются в так называемых «песнопойках» – сборниках с текстами, издаваемых в Бухаресте, Стамбуле и Белграде и др., и названия которых указывают на то, что они предназначены для пения. К стихотворениям обычно подходит известная мелодия. Первые нотированные школьные песни датируются 1846 г. Их всего четыре в дополнение к вышеупомянутому сборнику «Антология» Павла Куртовича Чалоглу, все они записаны невмами и на греческом языке. Предназначены они были для исполнения в Триадической (Святой Троицы) школе в Пловдиве. Несколько школьных песен содержатся в песнопойке Иоакима Груева «Гусли или новые песни», изданной в 1858 г. в Белграде. Школьные песни присутствуют и в песнопойках П.Р. Славейкова. В 1867 г. Христо Г. Данов (1828-1911) издал

сборник «Песни на разные случаи жизни в болгарской школе в Пловдиве», составитель которого предположительно был Иоаким Груев.

После освобождения Болгарии от турецкого ига в болгарской церкви был установлен порядок богослужения русской православной церкви. Российские освободительные войска вводят хоровое исполнение как высшее художественное проявление религиозного культа. Но восточновизантийские песнопения уже устарели для болгарских прихожан и не соответствовали новой действительности. Синод и отдельные церковные деятели, среди которых были и музыканты, начали обдумывать план обновления и реформирования церковной службы. Узнав, что в России был открыт болгарский распев, Синод отправил Атанаса Николова изучить и собрать эти песнопения. Николов привёз эти песнопения из России и предложил их Синоду, но специальная комиссия отклонила их. Так закончилась попытка ввести староболгарский распев в богослужение болгарской церкви. Много из собранных в России распевов Николов аранжировал для хора. [Энциклопедия, 1967: 77]

К староболгарскому распеву обращался и Добри Христов (1875-1941) в ряде своих культовых сочинений. Он стремился обновить болгарскую церковную музыку через использование староболгарского распева. Ещё в своей первой литургии св. Иоанна Златоуста Д. Христов разрабатывает староболгарские мелодии. Во второй своей литургии композитор уже сознательно применяет староболгарскую интонацию. «Все распевы в этой литургии, – пишет композитор в предисловии, – написаны в духе восточноправославной славянской церковной музыки, с преобладающей интонацией старого болгарского церковного распева...».

Для нужд церкви писали множество сочинений и Атанас Бадев, Александр Крастев, Атанас Николов. Особенно продуктивным был Пётр Динов. Композиторы 1920х – 1930х годов были чужды церковной музыке. Для них она никогда не представляла собой область для творчества. Легко объяснить, почему композиторы после 9 сентября 1944 года также не писали церковных сочинений.

Таким образом, болгарская церковная музыка начала свой переход от анонимности к авторству уже в XIV веке с творчества Иоанна Кукузеля, прекратила своё развитие на время османского ига (XV – XVIII века) и возродилась с новой силой в XIX веке, уже окончательно приобретя черты авторства. Деятельность церкви со временем сужалась, и сегодня она не играет почти никакой роли в новой музыкальной культуре Болгарии.

Список литературы:

1. Энциклопедия на българската музикална култура. София, 1967.
2. Крачева. Л. Музыка през вековете. Българска музикална култура от древността до наши дни. София, 2008. С. 36-38, 44-48, 50-51.
3. Кюмджиева С. 2000 години християнство. Ранновъзрожденска българска музика – паметници и певчески репертоар. Йоасаф Рилски. София, 2003. С.75-77.

4. *Тончева. Е.* Проблеми на старата българска музика. София: Наука и искусство, 1975. С. 95-104.